

Юрий Николаевич Бойко

Сибирский федеральный университет, Институт филологии и языковой коммуникации, старший преподаватель кафедры иностранных языков для инженерных направлений, Красноярск, Россия, e-mail:borgir-666@mail.ru

Ольга Викторовна Коновалова

Сибирский юридический институт МВД России, профессор кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин; Сибирский федеральный университет, Гуманитарный институт, профессор кафедры истории России, мировых и региональных цивилизаций, доктор исторических наук, доцент, Красноярск, Россия, e-mail:olgav--k@yandex.ru

**СОВЕТСКАЯ МИЛИЦИЯ ЕНИСЕЙСКОЙ
ГУБЕРНИИ В 1920–1925-х гг.**

Рассмотрены особенности формирования органов милиции Енисейской губернии в 1920–1925 гг., проанализированы ключевые направления деятельности в контексте исторических условий завершения Гражданской войны и начала новой экономической политики (НЭП). Развертывание системы органов правопорядка в регионе протекало в условиях борьбы с обширным белобандитским движением, имеющим серьезную опору, особенно на юге губернии. Рекрутирование бывших красных партизан в милиционеры позволило относительно быстро решить вопрос комплектования штата сотрудников. Однако в рядах губернской милиции оказались малограмотные и некомпетентные люди, что отразилось на эффективности ее деятельности. К числу основных направлений работы советской милиции в этот период времени относились: борьба с бандитизмом, самогоноварением, детской беспризорностью, противодействие проституции. В начале 1920-х гг. самогоноварение широко распространилось в губернии: в 1924 г. количество зарегистрированных преступлений по производству незаконного алкоголя вышло на второе место по сравнению с другими видами правонарушений в регионе. Для борьбы с бандитизмом милиция действовала совместно с войсками внутренней службы, это привело к искоренению политического бандитизма к середине 20-х гг. Борьба с проституцией проходила в условиях ограниченности правовых ресурсов и сводилась к наказанию за сутенерство и сводничество, организации постановочных судов над проститутками. Противодействие детской беспризорности и ее последствиям проходило в форме ликвидации притонов бездомных детей, розыска несовершеннолетних преступников и передачи их комиссии по делам несовершеннолетних. Функционирование органов милиции Енисейской губернии осложнялось постоянным сокращением штатов и финансирования.

Ключевые слова: советская милиция, Енисейская губерния, борьба с преступностью, самогоноварением, противодействие проституции, детской беспризорности.

Yuri N. Boyko

Siberian Federal University, Institute of Philology and Language Communication, Senior Lecturer at the Department of Foreign Languages for Engineering, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: borgir-666@mail.ru

Olga V. Konovalova

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Professor at the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines; Siberian Federal University, Humanitarian Institute, Professor at the Department of History of Russia, World and Regional Civilizations, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Krasnoyarsk, Russia, e-mail: olgav--k@yandex.ru

SOVIET MILITIA OF YENISEI GOVERNORATE IN 1920–1925

The study considers the features of the formation of the militia bodies of the Yenisei Governorate in 1920-1925 as well as analyzes the key areas of activity in the historical conditions of the end of the Civil War and the beginning of the New Economic Policy (NEP). The deployment of the system of law enforcement bodies in the region proceeded in the context of the struggle against the extensive White-bandit movement, which has a serious support especially in the south of the province. Recruiting former Red partisans into militia officers made it possible to relatively quickly resolve the issue of staffing. However, illiterate and incompetent people appeared in the ranks of the governorate militia, which affected the effectiveness of its activities. The main areas of work of the Soviet militia during this period of time included: the fight against banditry, home-distilled vodka brewing, child homelessness, and combating prostitution. In the early 1920 home-distilled vodka brewing has become widespread in the governorate: in 1924 the number of registered crimes related to the production of illegal alcohol came second in comparison with other types of offenses in the region. To combat banditry, the militia acted together with the troops of the internal service, this led to the eradication of political banditry by the mid-20s. The fight against prostitution took place in conditions of limited legal resources and was reduced to punishment for pimping and procurement, the organization of staged trials of prostitutes. Counteraction to child homelessness and its consequences took place in the form of liquidation of dens of homeless children, search for juvenile criminals and their transfer to the commission on juvenile affairs. The functioning of the militia of the Yenisei Governorate was complicated by the constant cuts in staff and funding.

Keywords: *Soviet militia, Yenisei Governorate, the fight against crime, home-distilled vodka brewing, combating prostitution, child homelessness.*

Становление и развитие органов внутренних дел в первой половине 1920-х гг. в Енисейской губернии представляет собой важную и малоисследованную область в изучении правоохранных структур Сибири. Вместе с тем в этот период происходило формирование организационных структур, кадрового потенциала советской милиции в условиях завершения Гражданской войны, структурная перестройка органов внутренних дел в годы новой экономической политики. Особый интерес представляет изучение деятельности советской милиции по противодействию бандитизму, распространению самогонварения, проституции и детской беспризорности.

Первые работы, посвященные советской милиции, появились в 1920-е гг., принадлежали перу сотрудников правоохранных органов и представляли собой короткие обзоры, аналитические очерки, публикуемые в журналах «Рабоче-крестьянская милиция», «Жизнь Сибири». Системное изучение роли органов внутренних дел по борьбе с преступностью в Сибири началось в 1960–1980-е гг. и ознаменовано появлением монографии П.Ф. Николаева «Советская милиция Сибири»

(1917–1922)», (Омск, 1967 г.) и Н.М. Кучемко «Укрепление социалистической законности в Сибири в годы НЭПа, 1921–1923 гг. (Новосибирск, 1981 г.).

В постсоветский период значительно активизировался процесс научного изучения становления и развития милиции Сибири. Не потеряла своего научного значения научно-популярная работа красноярских исследователей Д.А. Бугаева и Л.С. Жалимова «На службе милицейской», выпущенная в нескольких частях в Красноярске в начале 1990-х гг. В публикациях В.И. Исаева, А.П. Угроватова, Н.А. Харлова освещаются основные этапы становления региональных органов правопорядка. Однако деятельность милиции Енисейской губернии раскрывается, как правило, в контексте общесибирских тенденций развития правоохранительных органов и нуждается в дальнейшей детализации.

В начале января 1920 г. в Красноярске, столице Енисейской губернии, была восстановлена советская власть. Высшим органом власти в регионе стал Сибирский революционный комитет (Сибревком). Созданный в его структуре отдел управления на правах отделения Наркомата внутренних дел (НКВД) РСФСР осуществлял функции руководства рабоче-крестьянской милицией Сибири. В конце января было создано Енисейское губернское управление милиции, которое возглавил И.Г. Деханов [1, с. 257]. Начальник милиции губернии подчинялся заведующему отделу губисполкома (на тот момент губревкома), начальнику милиции Сибири, а также НКВД. В уездах органы милиции входили в отделы управления уездных исполкомов на правах подотдела.

Для определения численности милиции на местах Сибревком предложил руководствоваться следующими нормами: в городах расчет кадрового потенциала должен был строиться по принципу – не более одного милиционера на 300 чел. населения, в сельской местности – один сотрудник на 2 тыс. жителей [2, с. 144]. В уездах создавались милицейские районы, в которые обычно входило несколько волостей с общим количеством населения до 50 тыс. человек. Исходя из этого, Красноярский уезд, насчитывающий 21 волость, был поделен на 5 районов; Ачинский и Енисейский уезды были поделены на 8 районов; Канский – на 10 [1, с. 253–257].

В апреле 1920 г. на службе в Енисейской губернии числилось 35 % от положенного по штату служащих, т.е. 1100 чел. из 3045. В той или иной степени некомплект наблюдался во всех городах и уездах, в большинстве случаев составлявший более половины от штатного списка. Так, в Красноярске штат был заполнен только на 44 %, т.е. числилось только 220 чел. По территории губернии некомплект варьировался от 53 % в Канском уезде до 95 % в Туруханском крае. Исключением был Красноярский уезд, в котором на службе находилось 205 милиционеров из 242 положенных по штату и недоставало только 15 %. Ввиду недостаточности отпускаемых средств губернская милиция также испытывала трудности с комплектованием конной милиции: конный отряд из 99 милиционеров (около 50 % от положенного) существовал лишь в Красноярске [3, с. 15–17].

В 1922 г. для повышения качества кадрового состава в сибирские органы правопорядка на руководящие должности были отправлены 274 действующих командира Красной армии. В Енисейскую губернию были распределены двадцать человек, трое из которых стали начальниками уездных милиций, один – начальником отделения, шестнадцать – возглавили милицейские районы [4, с. 115]. Параллельно был взят курс на избавление милиции от неблагожелательных элементов. В результате первой «чистки» осенью 1921 г. количество сотрудников милиции было уменьшено более чем на 60 %: с 3036 до 1100 чел. Следует заметить, что данная мера практически не повлияла на состояние дел, поскольку сокращение произошло за счет вакантных должностей [5, с. 89].

Вторая кампания по сокращению личного состава оказалась более ощутимой, шла на протяжении первой половины 1923 г. и затронула не только милицию, но и

школу милицейского комсостава, резерв, а также управление губернского уголовного розыска. Наряду с политическими соображениями она была связана с переводом милиции в 1922 г. на финансирование за счет средств местного бюджета. Такие расходы оказались неподъемными для органов местного управления, поэтому, например, Енисейский губисполком продолжил линию на сокращение штатов милиции и добился к концу 1924 г. более чем десятикратного уменьшения численности личного состава – до 295 человек [4, с. 115].

К апрелю 1925 г. в результате третьей чистки были уволены 11 %, или 48 сотрудников. Из них за антисоветские взгляды – 8 чел.; активное членство в антисоветских партиях – 1; по подозрению в хищениях, взятках – 20, спекуляции, преступлениях по должности, саботаже или использовании служебных полномочий в личных целях – 20; за родственные или деловые связи с нэпманами – 3; наличие судимости или нахождение под следствием – 9; как бывшие белые офицеры – 7 [6, с. 158].

Вместе с тем в рассматриваемый период в Енисейской губернии продолжала сохраняться сложная криминогенная ситуация, в условиях социально-экономической и политической нестабильности она создавала реальную угрозу для безопасности Советского государства. Летом 1920 г. отряды милиции и красноармейцев под командованием комбрига К.В. Гайдуля были посланы в Ачинский уезд для наведения порядка в Мининской, Погорельской и Шерчульской волостях, сопротивлявшихся призыву своих жителей в Красную армию [4, с. 115].

Крайнюю опасность для Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. представлял бандитизм, изначально имевший сильную антисоветскую подоплеку, с годами трансформировавшийся в уголовную преступность. Осенью 1920 г. сводный отряд из 40 милиционеров и 350–400 красноармейцев под командованием будущего начальника губернской милиции В. Емельяшина принимал активное участие в ликвидации банд на территории Канского уезда. В 1921 г. под командованием начальника Ачинской уездной милиции П.Е. Пруцкого милиция совместно с войсками внутренней службы (ВНУС) участвовала в ликвидации повстанческих отрядов И.Н. Олиферова. Позднее отряд милиционеров под командованием начальника 10-го района Минусинской уездной милиции П.Г. Конопелько уничтожил главаря банды. Той же зимой работники милиции Енисейского уезда совместно с работниками уездной чрезвычайной комиссии (УЧК) ликвидировали банду Портнягина [1, с. 313–314]. В той или иной степени, участие сотрудников милиции в борьбе с политическим бандитизмом в губернии продолжалось вплоть до 1924 г. и закончилось лишь с ликвидацией банды виднейшего деятеля антибольшевистского сопротивления в губернии И.Н. Соловьева. Вклад советской милиции в борьбе с повстанчеством и бандитизмом, как и количество павших в этом противостоянии, еще предстоит установить.

Другим важнейшим направлением деятельности милиции в первой половине 1920-х гг. стала борьба с самогонварением. Этот вид преступления приносил государству существенный экономический ущерб, так как ежегодно на выгонку самогона тратилось значительное количество зерна. Например, в 1923 г. на выгонку самогона было затрачено 1 млн 800 тыс. пудов зерна, из которых получилось 10 млн 800 тыс. бутылок готового продукта [7, с. 85]. О масштабах явления можно судить по докладу начальника милиции Минусинского уезда в начале 1924 г., где указывалось, что самогонварением занимаются до 90 % населения подведомственной ему территории [3, с. 223].

19 декабря 1919 г. Совнаркомом было издано Постановление «О воспреещении на территории страны изготовления и продажи спирта, крепких напитков и не относящихся к напиткам спиртосодержащих веществ», в соответствии с которым Сибревком 17 июля 1920 г. выпустил свое постановление о борьбе с тайным винокурением. В нем предписывалось создание при соответствующих продовольственных

органах особых уездных троек и волостных комиссий по борьбе с тайным винокурением, а пойманные самогонщики наказывались принудительными работами на срок от 6 месяцев до 2 лет с заключением (или без) в концентрационный лагерь с конфискацией излишков хлеба сверх установленной Наркомпродом нормы. Такие же меры наказания распространялись на членов волостных и сельских ревкомов, сотрудников милиции, попустительствующих самогонварению. В УК РСФСР 1922 г. появилась статья 140, в которой приготовление спиртного с целью сбыта каралось лишением свободы на 1–3 года и частичной конфискацией имущества. Профессиональные самогонщики и рецидивисты могли получить срок от 3 лет и полную конфискацию имущества. Приготовление спиртных напитков без цели сбыта наказывалось штрафом или принудительными работами.

Поначалу меры борьбы с выгонкой нелегального спиртного имели скорее спонтанный характер и заключались в локальных облавах на самогонщиков, например в отдельных селах. Так, в начале мая 1921 г. в ходе такой облавы в д. Курская Минусинского уезда у 35 жителей были обнаружены и изъяты 17 самогонных аппаратов и по несколько ведер самогона. В свете постановления Сибревкома у крестьян была изъята часть зерна [7, с. 87]. Однако остановить рост преступлений в этой сфере данные меры не помогли.

Формирование правовой основы в сфере производства и оборота незаконного алкоголя, а также четкое определение меры наказания для нарушителей в Уголовном кодексе 1922 г. придали новый импульс в борьбе с самогонварением. В целях мотивирования сотрудников милиции 20 декабря того же года СНК РСФСР принял постановление, в котором предлагалось перечислять в бюджет милиции 75 % сумм всех штрафов, взимаемых с самогонщиков, продавцов незаконного алкоголя и лиц, появившихся в нетрезвом виде в общественных местах [8, с. 114]. Данная политика давала свои плоды: согласно данным на январь 1924 г., сумма взысканных за предыдущий год штрафов составила 1254,78 руб. золотом, из которых на улучшение быта милиционеров пошло 649,66 рублей [9, с. 2].

Однако предпринятые меры не приводили к снижению количества правонарушений в данной сфере. Согласно ежемесячной ведомости о работе Енисейской губернской милиции за март 1924 г., приготовление, сбыт и хранение спиртных напитков и наркотиков занимали второе место по количеству зарегистрированных преступлений за месяц (824 дела), уступая лишь нарушениям правил, изданных местными органами власти (занятие торговлей, промыслом, публичного порядка и т.д., 855 дел). Следом шли имущественные преступления (разбой, грабежи, конокрадство, мошенничество, поджог и т.п., 518 дел) и преступления против личности (убийства, побои, клевета и т.п., 336 дел) [10, с. 74].

Согласно протоколу губернского совещания по борьбе с преступностью, проходившего в ноябре 1924 г., за первые десять месяцев в рамках борьбы с самогонокурением сотрудниками милиции губернии было суммарно произведено 6307 обысков и возбуждено 6392 дела, т.е. почти в два раза больше, чем в 1923 г. Количество конфискованных самогонных аппаратов составило 2314 штук, а объем изъятого самогона – 4317 ведер [11, с. 35–37].

Увеличению количественных показателей в немалой степени способствовало совершенствование милицейской тактики по обнаружению мест изготовления самогона и его изготовителей. На смену единичным мерам, практиковавшимся в 1920–1921-х гг., пришли повальные обыски и облавы, проводимые в рамках месячников и двухнедельников по борьбе с тайным винокурением. Особый эффект давали массовые обыски и облавы, проводившиеся накануне различных праздников. Например, только в первый двухнедельник 1923 г. в Красноярском уезде было конфисковано 36 аппаратов, а 39 чел. привлечено к ответственности; в Ачинском уезде конфисковано 135 аппаратов и привлечено к ответственности 310 человек [12, с. 3].

Важным направлением деятельности советской милиции в 1920-е гг. являлось противодействие проституции. По социальному составу женщины, занятые в этой сфере, имели крестьянское происхождение. Согласно исследованию Г.Х. Валиева, выходцами из крестьян были 41,9 % женщин, из среды рабочих и мещан – 29,6 %, социальное происхождение остальных 28,5 % осталось неустановленным. При этом более 70 % приходилось на возраст от 15 до 25 лет [13, с. 95]. В своем докладе губернскому совещанию по борьбе с преступностью в ноябре 1924 г. заведующий губернского отдела здравоохранения Ширшов рапортовал, что в Красноярске проституция развита в основном среди 17–25-летних, случаев детской проституции зарегистрировано два за год [11, с. 35–37].

Главными очагами проституции являлись гостиницы, постоялые дворы и съемные квартиры. Преобладающим типом стал коллективный промысел – работа проституток на артельных началах, совместная аренда квартиры, превращаемой в притон. По данным милиции на середину 1923 г., в Красноярске было выявлено около 30 притонов, 200–300 профессиональных проституток. В Ачинске и Минусинске, по неполным данным, насчитывалось по 20 профессионалок. За 4-й квартал 1924 г. в Красноярске было выявлено 43 проститутки и обнаружено 2 притона [14, с. 22].

Следует заметить, что вплоть до середины 1920-х гг. сведения о проституции как в Енисейской губернии, так и в Сибири в целом носят эпизодический характер. Эта ситуация объясняется особенностями политики советской власти относительно проституции в первые годы после Гражданской войны. Уголовное законодательство было ориентировано на борьбу с пособниками проституции, а не с проститутками и их клиентами, в отношении которых практически не велось никакого учета и не предпринималось никаких действий.

Масштабная кампания против проституции началась в 1922 г. В первый Уголовный кодекс РСФСР были включены две статьи, устанавливающие ответственность за действия в сфере сексуальных услуг: статья 170 наказывала за принуждение к занятию проституцией, а статья 171 карала за сводничество и содержание притонов разврата.

В декабре 1922 г. Сибревком выпустил Положение о борьбе с проституцией в Сибири, в соответствии с которым в начале 1923 г. в Енисейской губернии при губздравотделе был создан губернский совет по борьбе с проституцией. Позднее в Минусинске, Ачинске и Канске организованы самостоятельные комиссии по борьбе с проституцией [15, с. 4]. Примечательно, что в Канске во главе нового органа стоял начальник уездной милиции, а в губсовете представителем правоохранительных органов был начальник губернского административного подотдела милиции. Совет собирался ежемесячно, в круг его задач входили: мониторинг ситуации с проституцией на местах, организация профилактических мер по борьбе с женской безработицей, а также принятие решения о наказании в соответствии с законодательством [16, с. 90].

Сотрудники милиции не имели права применять никаких мер к проституткам, все данные о них передавались в губсовет по борьбе с проституцией или его местные органы по принадлежности [17, с. 74]. Губсовет, в свою очередь, постановил, что дома разврата и обнаруженные в нем лица должны подвергаться лечебному освидетельствованию, но только в том случае, когда имелись основания подозревать их в возможности распространения венерических заболеваний.

В целом, ввиду отсутствия конкретных директив, предполагающих решительную борьбу с проституцией, работа милиции в Енисейской губернии в первой половине 1920-х гг. свелась к борьбе с ее пособниками в рамках уголовного кодекса и ма-

ло способствовала искоренению этого социального явления. Более того, отмечалось, что привлечение к ответственности притоносодержателей и сутенеров повлекло развитие скрытых форм проституции, например на съемных квартирах [11, с. 15–16].

Важным направлением деятельности советской милиции в регионе стала борьба с детской беспризорностью. Беспризорность являлась благоприятной почвой для развития детской преступности, проституции и пьянства, способствовала возникновению и распространению венерических заболеваний. Вопрос с количеством беспризорных детей в Сибири в 1920-е гг. остался открытым; по мнению различных исследователей, цифра колебалась от 20 до 40 тыс. человек [11, с. 104]. Данные по Енисейской губернии также неоднозначны: в феврале 1921 г. Енисейская губернская чрезвычайная комиссия по улучшению быта детей отчитывалась о 4111 беспризорниках, однако в мартовском докладе их количество уменьшилось до 3070 [18, с. 100–104, 122].

Лучше всего вопрос с учетом обстоял в губернской столице. Согласно данным, на начало 1921 г. в городе и пригородах в специальных учреждениях размещались 849 чел. [18, с. 94–96] На апрель 1923 г. количество воспитанников в домах и интернатах возросло до 1470. К началу 1925 г. численность беспризорников снизилась до 1335 чел., а к концу и вовсе упала до 968. По социальному составу беспризорных, как и до революции, преобладали дети рабочих – 54 %, крестьянские дети составляли 30 %, дети служащих – 8,3 %, прочие, те, кто затруднился ответить на вопрос о происхождении, – 7,7 % [18, с. 149–152].

Главным органом, занимающимся беспризорниками, являлась комиссия по делам несовершеннолетних при Енисейском губернском отделе народного образования. К 1924 г. она занималась рядом функций: рассмотрение дел несовершеннолетних и принятие решения о мере наказания, инспектирование мест размещения беспризорников (детдомов, интернатов, приемных семей), контроль за работой интерната для морально-дефективных детей. На каждом заседании комиссии рассматривалось в среднем по 15–20 дел, поступавших преимущественно из уголовного розыска или милиции, которые в основном и занимались поимкой юных правонарушителей. По результатам заседаний в отношении несовершеннолетних могли быть приняты решения, к числу которых относились: внушение или выговор; оставление на свободе под присмотром родителей, родственников, патронов; помещение в один из детских домов, интернат или трудовую колонию; определение на ту или иную работу; передача несовершеннолетнего вместе с делом в Народный суд.

Как правило, вопрос о том, кому надлежит заниматься конкретным правонарушителем, решался путем определения по внешнему виду возраста последнего. Если преступник признавался несовершеннолетним, то он переходил в ведение комиссии по делам несовершеннолетних.

Согласно отчету комиссии в июне 1924 г., на меры непосредственно педагогического воздействия (внушение, передача родителям) приходилось в среднем 25 % дел. Следует также обратить внимание на тот факт, что если в 1921 г. большая часть дел приводила либо к принятию незначительных мер, либо вовсе прекращалась, то в последующие годы такой исход наблюдался только у трети дел. До народных судов Енисейской губернии в 1921–1923 гг. доходило от 14 до 30 % дел, связанных с правонарушениями беспризорников.

Правонарушения беспризорников, переданные в народный суд комиссией по делам несовершеннолетних [19, с. 17].

Наименование правонарушения	1920 г.			1921 г.			1922 г.			1923 г.		
	Всего дел	Дел данного наименования	% к общему числу	Всего дел	Дел данного наименования	% к общему числу	Всего дел	Дел данного наименования	% к общему числу	Всего дел	Дел данного наименования	% к общему числу
Кража	295	232	78,6 (79)	458	314	68,6 (68)	424	297	70,1 (70)	197	140	71,1 (70)
Убийство, нанесение ран и побоев		11	3,7		22	4,8		29	6,8 (6,5)		4	2
Изнасилование		2	0,7 (1,7)		6	1,3		9	2,1		2	1
Против власти		7	2,4 (2,3)		13	2,8 (3)		11	2,6		13	6,6 (6,5)
Хулиганство		6	2 (2,2)		14	3,1		14	3,3 (3,4)		3	1,5 (1,4)
Прочие		37	12,6 (13,5)		89	19,4 (19,8)		64	15,1 (18,4)		35	17,8 (18)

Примечание. В скобках приведены цифры, указанные в источнике.

Как следует из таблицы, процентное соотношение видов преступлений, совершаемых малолетними беспризорниками, из года в год оставалось приблизительно на одном и том же уровне. Резко из общего количества выбивались кражи, стабильно составляя более двух третей дел. Нужно сказать, что в исследуемый период политика власти по отношению к несовершеннолетним нарушителям была довольно лояльной. Для детей, совершивших правонарушение до 14 лет, должны были применяться меры медицинского и педагогического воздействия, вплоть до помещения в специальные детские учреждения. К подросткам, не достигшим 18 лет, а с 1922 г. 16 лет, меры судебного воздействия применялись только в том случае, если более мягкие способы воздействия признавались неэффективными. Этим объясняется значи-

тельное уменьшение общего количества дел, заведенных на несовершеннолетних в 1923 г.

Около 90 % преступлений совершались беспризорниками в городе, в уездах было зарегистрировано порядка 10 %. Пик поступления дел обычно приходился на май–август, поскольку во время холодного сезона беспризорники старались устроиться к кому-нибудь в услужение или в детдома. Преступления совершались преимущественно мальчиками, как правило, несколькими по сговору. В 1922 г. из общего количества поступивших дел на девочек приходилось 16,2 %, из которых коллективных только 0,2 %. Случаи рецидива среди девочек были редким явлением, только 3 за 1923 г., в то время как среди мальчиков за тот же период было зарегистрировано 33 случая. Нередко среди мальчиков встречались такие, кто имел уже несколько уголовных дел и не раз скрывался от правоохранителей. Попадались и совсем исключительные случаи, когда на одного ребенка заводилось до 10 дел [11, с. 5–6].

Среди преступлений преобладали кражи, причем процент преступников мальчиков и девочек был здесь приблизительно равным. Среди тяжких преступлений отмечались случаи убийства и нанесения смертельных побоев сверстникам за предательство или выдачу товарищеской тайны. К числу прочих относились дела, связанные в том числе и с самогоноварением. Как видно, в противодействии детской беспризорности милиция играла важную роль, заключающуюся в розыске и первичной сортировке бездомных несовершеннолетних, проведении оперативно-розыскных мероприятий в случае совершения ими преступлений.

Таким образом, процесс организационного становления советской милиции в Енисейской губернии приходился на начало 1920-х гг. и проходил в сложных криминогенных условиях, связанных с «отголосками» Гражданской войны. Приоритетной задачей являлась борьба с политическим и уголовным бандитизмом. В условиях разразившегося в стране голода немаловажную роль играло противодействию самогоноварению. По отношению к бандитизму и самогоноварению власть требовала срочных и беспощадных действий, в то время как для борьбы с проституцией и беспризорностью требовалась деликатность, и жесткие меры применялись только в крайних случаях. Характерно также и то, что весь спектр задач советская милиция решала в условиях ограниченности ресурсов, острой нехватки квалифицированных кадров, сокращения штатов и финансирования.

Литература

1. *Бугаев Д.А.* На службе милицейской. 1917–1925 гг. Красноярск, 1993. Кн.1. Ч. 2. 336 с.
2. *Николаев П.Ф.* Советская милиция Сибири (1917–1922). Омск, 1967. 290 с.
3. ГАКК (Государственный архив Красноярского края). Ф. Р. 53. Оп. 1. Д. 167.
4. *Бойко Ю.Н., Коновалова О.В.* Вопросы кадровой политики в правоохранительных органах (на примере советской милиции Приенисейского края в первой половине 1920-х гг.) // *Антинаркотическая безопасность.* 2014. Вып. 1(2). С.113–120.
5. ГАКК. Ф. Р. 741. Оп. 1. Д. 35.
6. ГАКК. Ф. Р. 49. Оп. 2. Д. 143.
7. *Шекшеев А.П.* Самогоноварение, потребление алкоголя и борьба с ним в Енисейской деревне (1917–1930 гг.) // *Известия лаборатории древних технологий.* Иркутск, 2016. Вып. 4(21). С. 82–97.
8. *Исаев В.И., Угроватов А.П.* Милиция Сибири в 1920-е гг. Новосибирск, 2008. 229 с.
9. ГАКК Ф. Р. 874. Оп.1 Д. 60.
10. Там же. Д. 10.

11. Там же. Д. 51.
12. Как идет борьба с пьянством // Красноярский рабочий. 1923. № 25. С. 3.
13. *Валиев Г.Х.* Социальные аномалии в повседневной жизнедеятельности населения Сибири в 1920-е гг.: историко-криминологический анализ. Нижнекамск, 2008. 163 с.
14. ГАКК. Ф. Р. 874. Оп. 1. Д. 101.
15. Хроника Красноярска // Красноярский рабочий. 1923. № 123. С. 4.
16. ГАКК. Ф. Р. 874. Оп. 1. Д. 90.
17. ГАКК. Ф. Р. 741. Оп. 1. Д. 127.
18. «Охматмлад» и «Дети республики»: идеология и практика социальной политики в Енисейской губернии в 1920-е гг. // Хрестоматия для студентов вузов. Красноярск: СФУ, 2015. 202 с.
19. ГАКК. Ф. Р. 49. Оп. 1. Д. 480.

References

1. *Bugaev D.A.* Na sluzhbe militseiskoi. 1917–1925 gg. Krasnoyarsk, 1993. Kn.1. CH. 2. 336 с.
2. *Nikolaev P.F.* Sovetskaya militsiya Sibiri (1917–1922). Omsk, 1967. 290 с.
3. ГАКК (Gosudarstvennyi arkhiv Krasnoyarskogo kraya). F. R. 53. Op. 1. D. 167.
4. *Boiko YU.N., Konovalova O.V.* Voprosy kadrovoi politiki v pravo-okhranitel'nykh organakh (na primere sovetskoi militsii Prieniseiskogo kraya v pervoi polovine 1920-kh gg.) // Antinarkoticheskaya bezopasnost'. 2014. Vyp. 1(2). S. 113–120.
5. ГАКК. F. R. 741. Op. 1. D. 35.
6. ГАКК. F. R. 49. Op. 2. D. 143.
7. *Sheksheev A.P.* Samogonovarenie, potreblenie alkogolya i bor'ba s nim v Eniseiskoi derevne (1917–1930 gg.) // Izvestiya laboratorii drevnikh tekhnologii. Irkutsk, 2016. Vyp. 4(21). S. 82–97.
8. *Isaev V.I., Ugrovatov A.P.* Militsiya Sibiri v 1920-e gg. Novosi-birsk, 2008. 229 с.
9. ГАКК F. R. 874. Op.1 D. 60.
10. Там же. Д. 10.
11. Там же. Д. 51.
12. Как идет бор'ба с p'yanstvom // Krasnoyarskii rabochii. 1923. № 25. S. 3.
13. *Valiev G.KH.* Sotsial'nye anomalii v povsednevnoi zhiznedeyatel'nosti naseleniya Sibiri v 1920-e gg.: istoriko-kriminologicheskii analiz. Nizhnekamsk, 2008. 163 с.
14. ГАКК. F. R. 874. Op. 1. D. 101.
15. Khronika Krasnoyarska // Krasnoyarskii rabochii. 1923. № 123. S. 4.
16. ГАКК. F. R. 874. Op. 1. D. 90.
17. ГАКК. F. R. 741. Op. 1. D. 127.
18. «OkhmatmlaD» i «Deti respublikI»: ideologiya i praktika sotsial'noi politiki v Eniseiskoi gubernii v 1920-e gg. // Khrestomatiya dlya studentov vuzov. Krasnoyarsk: SFU, 2015. 202 с.
19. ГАКК. F. R. 49. Op. 1. D. 480.

